

Ж.Г. Темирова*, А.Д. Жакупова

*Кокшетауский университет имени Ш.Ш. Уалиханова, Кокшетау, Казахстан
(E-mail: temirova.zh@mail.ru, aygul.zhakupova@yandex.kz)*

Малая проза Ильи Одегова в контексте транскультурности

В статье представлено исследование малой прозы современного казахстанского писателя Ильи Одегова с позиции теории транслингвизма. Цель статьи — рассмотреть специфику индивидуально-авторской картины мира писателя-билингва, русского по происхождению, но сформировавшегося в условиях казахской действительности; определить характер влияния художественной транскультурности на когнитивную картину мира творческой личности. Основное внимание в статье акцентировано на выявлении образов казахской лингвокультуры, эксплицируемых в малой прозе Ильи Одегова. Данные образы подчеркивают этнокультурную специфику транскультурной творческой личности писателя и его индивидуально-авторской картины мира. Исследование творчества представителя «литературы пограничья» с позиции транслингвизма позволит рассматривать ее в свете общей тенденции развития мировой литературы, тяготеющей к транскультурности.

Ключевые слова: транслингвизм, «литература пограничья», образы казахской лингвокультуры, индивидуально-авторская картина мира, Илья Одегов.

Введение

Тема научной статьи соответствует трендам мировой науки, связанным с развитием нового направления в филологии — теории транслингвизма, шире транскультурности, которая активно разрабатывается в трудах ученых [1–9].

Теория художественного транслингвизма, шире транскультурности, относится к числу наиболее актуальных научных направлений и активно разрабатывается учеными разных стран [10; 263, 264].

Термины «транслингвальная литература» и «транслингвальные писатели» используются в современной науке в соответствии с терминологией Стивена Г. Келлмана, представленной им в исследовании «Switching Languages: Translingual Authors Reflect on their Craft». Так, транслингвальная литература — это литература, написанная транслингвальными писателями, то есть авторами, которые создают свои произведения не на родном языке (*write in a language other than their primary one*) или более чем на одном языке (*write in more than one language*) [1]. Причины формирования данного научного направления продиктованы потребностями современной действительности.

По верному замечанию З.Г. Прошиной, «эпоха, в которой мы живем, — это эпоха стойкого противоречия между глобализмом и стремлением к выражению локальной идентичности. Она порождает новые переходные, лиминальные явления, представляющие собой своеобразный компромисс в данном противоречии. Примерами такого явления стали транслингвизм и транскультурализм, оказавшиеся очень популярными темами для обсуждения в зарубежной лингвистической, культурологической и педагогической литературе» [9; 155].

Транслингвальная литература стран постсоветского пространства — это литературный феномен, который сформировался в уникальных историко-культурных условиях. В отличие от сложных и противоречивых настроений, характерных для постколониальных национальных литератур, русскоязычная инонациональная литература стран СНГ — не вынужденная форма творческой самореализации авторов, а результат их свободного выбора. Она представляет собой органичное художественное единство содержания (прежде всего, национального) и формы (неродного русского языка). Свидетельством тому служат художественные произведения, написанные на русском языке киргизом Чингизом Айтматовым, казахом Олжасом Сулейменовым, абхазцем Фазилем Искандером, грузином Георгием Харабадзе, чеченцем Султаном Яшуркаевым и многими другими талантливыми транслингвальными писателями.

Изучением казахстанской литературы, создаваемой на русском языке, в разные годы занимались такие ученые, критики, писатели, как А.Ш. Шарипов, М.К. Каратаев, С.С. Кирабаев, З.А. Ахметов,

* Автор-корреспондент. E-mail: temirova.zh@mail.ru

Е.В. Лизунова, Ш.К. Сатпаева, М.Б. Базарбаев, И.Х. Габдиров, Ш.Р. Елеукинов, А.Л. Жовтис, К.Ш. Кереева-Канафиева, К.С. Курова, А.Л. Маловичко, Н.С. Ровенский, М.Д. Симашко и другие. В наши дни новейшая русскоязычная литература Казахстана исследуется многими современными учеными как в Казахстане, так и в России (Т.В. Кривошапова, Г.И. Власова, С. Ананьева, Н. Сарсекеева, О. Валикова, В. Савельева, У.М. Бахтикереева, З.К. Темиргазина, А. Жаппарова, Н. Оразбаева, А.Б. Туманова, Б.У. Джолдасбекова, У. Овчеренко и другие). Так, например, исследователи обращаются к изучению таких вопросов, как проблемы и перспективы транслингвальных контактов, влияние картины мира контактирующего языка на транслингвальных авторов, специфика транслингвальной практики, транскulturность и ее проявление в художественном дискурсе, лингвостилистические особенности писателей-транслингвов, подходы к изучению транслингвальной литературы и др.

В своей работе мы обращаемся к особой разновидности проявления транскulturности. Речь идет о творчестве этнически русского писателя, пишущего на русском языке, но отражающего в своих произведениях фрагменты казахской национальной картины мира, органично воспринимаемой им с раннего детства. Творчество писателей такого типа относят к «литературе пограничья». Д.М. Новохатский писал: «“Я” “литературы пограничья” осмысливается как конгломерат транскulturных элементов; в этом случае историческая память служит механизмом поддержания пограничного статуса-кво, позволяя принадлежать к нескольким культурам одновременно и предохраняя от полного слияния индивида с какой-либо из них» [11; 78].

Несмотря на разноаспектность проводимых исследований, в области изучения транслингвальной русскоязычной литературы Казахстана есть широкие перспективы. Так, настоящая работа является началом комплексного исследования творчества ряда авторов транслингвальной русскоязычной литературы Казахстана. Проводимое исследование отличается научной новизной, поскольку впервые объектом изучения стали ранее не исследованные с позиции транскulturности образы казахской лингвокультуры, объективированные в творчестве современных казахстанских русскоязычных писателей.

Методы и материалы

Методологической основой исследования послужат труды в области транслингвизма и транскulturности таких видных ученых, как С. Келман, М. Толстанова, И.С. Хугаев, У.М. Бахтикереева, С. Канагараджа, О. Гарсиа, Л. Вей, З.Г. Прошина и другие. В определении понятия «транслингвизм» и методологии его анализа мы опираемся на авторитетное мнение одного из ведущих исследователей в этой области профессора РУДН редактора научного журнала «Полилингвизм и транскulturные практики» [12] У.М. Бахтикереевой. По верному наблюдению исследователя, в советский и постсоветский периоды русскоязычие стало уникальной ситуацией онтоязыкового порядка, в которой происходило слияние культурных миров. Задаваясь вопросами о языковом сознании билингвов, о русско-инонациональном двуязычии, о роли и значении русского языка в ходе формирования русскоязычного социума и его особой функции в историческом процессе [13], У.М. Бахтикереева отмечает уникальность транслингвальной литературы, создающей диалог различных мировоззрений. В русскоязычной транслингвальной литературе генерируется сложное художественное пространство, возникающее благодаря «стереоскопичности зрения» и «радиантному мышлению» «маргинальной» творческой личности [5; 26]. Работы У.М. Бахтикереевой служат теоретической основой для многочисленных исследований в области транслингвальных национальных литератур постсоветского пространства.

В определении понятия «образы лингвокультуры» мы полагаемся на мнение ученых-лингвокультурологов, соотносящих данное понятие с понятием «концепт». Так, по мнению Ю.С. Степанова, концепт — «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [14; 40, 41]. В.И. Карасик с позиций лингвокультурологического направления характеризует концепты как «первичные культурные образования, являющиеся выражением объективного содержания слов, имеющие смысл и поэтому транслируемые в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы понятийного, образного и деятельностного освоения мира» [15; 102].

В целом, в работе применяется комплексная методика, включающая общенаучные методы и приемы исследования (наблюдение, анализ и синтез, классификация и обобщение), а также метод контекстуального, лингвокультурологического, лингвостилистического анализа художественного текста.

Материалом исследования послужила малая проза Ильи Одегова, в частности, такие повести и рассказы, как «Чужая жизнь», «Побеги», «Любая любовь», «Овца», «Снег в паутине», «Крылатая невеста Махди» и другие.

Обращение к малым эпическим жанрам неслучайно, поскольку именно они наиболее ярко и разнообразно представлены в русскоязычной прозе Казахстана. Так, исследователь В. Савельева в статье «Рассказ в новейшей русской прозе Казахстана» выделяет его в качестве первожанра современной русской казахстанской прозы и осмысливает его жанровые модификации: «...рассказы классического типа (А. Арцишевский, Г. Доронин, С. Назарова, К. Гайворонский, М. Земсков), короткие рассказы (Е. Тикунова, Е. Терских, У. Тажикенова), юмористические рассказы (Р. Соколовский, К. Воскобойников), рассказы-притчи (У. Тажикенова, Г. Бельгер), рассказы-новеллы (О. Марк, О. Шиленко, В. Гордеев, И. Одегов), автобиографические рассказы (Н. Чернова, Г. Бельгер, Б. Канацьянов, К. Гайворонский), рассказы с элементами мифологизма, фантастики, абсурда и гротеска (Н. Веревошкин, Г. Доронин, А. Рогожникова, М. Величко) и другие» [16].

Результаты и их обсуждение

Учитывая этноязыковую специфику личности автора, в современной литературе Казахстана, на наш взгляд, можно выделить следующие типы: 1) собственно казахская литература, создаваемая этническими казахами на казахском языке; 2) литература Казахстана, создаваемая на казахском языке инонациональными авторами; 3) русскоязычная литература Казахстана, создаваемая писателями-билингвами этническими казахами на русском языке; 4) русскоязычная литература Казахстана, создаваемая этнически русскими авторами, проживающими в Казахстане; 5) русскоязычная литература Казахстана, создаваемая представителями этносов, проживающих в нашей многонациональной стране (немцы, татары, корейцы, ингуши, чеченцы и др.). Можно предполагать, что за исключением первого типа, все последующие – формируются на стыке двух и более культур, образуя своеобразный симбиоз, объективируемый в художественной картине мира транскультурной словесности.

Предметом настоящей статьи стало творчество представителя четвертого типа казахской литературы – Ильи Одегова, современного казахстанского писателя, поэта, драматурга, переводчика с казахского, английского, испанского, шведского языков.

Родился И. Одегов в 1981 году в России (г. Новосибирске), но с четырехлетнего возраста вместе с родителями поселился в Алма-Ате, где и проживает в настоящее время. Одегов активно публикуется в известных литературных журналах, является заслуженным лауреатом литературных премий, занимается культурно-просветительской деятельностью [17].

В числе произведений молодого прозаика рассказы, повести, романы — «Город» (2000), «Вчера был прошлый год» (2001), «Звук, с которым встает Солнце» (2003), «Без двух один» (2006), «Надежда кроется в обмане» (2007), «Чужая жизнь» (2008), «Пуруша» (2009), «Побеги» (2010), «Любая любовь» (2011), «Культия» (2012), «Овца» (2013), «Пришельцы» (2013), «Снег в паутине» (2015), которые вызывают не только читательский интерес, но и привлекают внимание ученых-филологов. Так, в последнее десятилетие творчество Одегова изучалось с точки зрения эстетики литературы постмодернизма и нового реализма [18, 19], отмечалось жанровая оригинальность его малой прозы [20], а также особенности композиции и хронотопа [21].

В своем исследовании мы обращаемся к изучению творчества И. Одегова с позиции теории транслингвизма: рассматриваем симбиоз русской и казахской культур в индивидуально-авторской картине мира русского по происхождению писателя-билингва, характеризуем образы казахской лингвокультуры как показатель специфики казахстанской литературы «пограничья», которая подчеркивают этнокультурную «особость» транскультурной творческой личности писателя.

Прозу Ильи Одегова называют космополитичной, поскольку в ней находит отражение полилог множества культур. Однако наиболее ясно и полно звучит диалог родных для автора этнокультур: русской по крови и казахской по среде проживания.

Т. Колмогорова в статье «Этнокультурное своеобразие в картине мира. О рассказах С. Афлатуни, В. Муратханова, И. Одегова, А. Торка, С. Янышева» подчеркивает, что для данных «пограничных» писателей «Азия — не только объект описания и изображения, но и сакральный мир,

сформировавший их личность и художественное мышление». В связи с этим «в этнокультурных картинах «пограничных» писателей традиционный азиатский образ жизни, с которым они знакомы изнутри личного опыта, не воспроизводится с целью знакомства читателя с экзотической действительностью. Жизненный материал переосмысливается и претворяется в индивидуальные художественные модели жизни» [22]. В прозе Ильи Одегова, повествующей о казахстанской жизни, естественным образом переплетаются фрагменты двух национальных картин мира, действуют и взаимодействуют русские и казахи, описываются быт, нравы, традиции, культура, менталитет этих народов. В данной работе мы сосредоточим внимание на образах казахской лингвокультуры, создающих особый колорит индивидуально-авторской картины мира Ильи Одегова.

Художественное пространство творчества Одегова широко. Местом действия в его произведениях становятся бескрайняя степь и предгорные массивы, шумные города и глухие села и аулы.

Степь как традиционный образ казахской лингвокультуры в прозе Одегова является неотъемлемой частью хронотопа его творчества, но вербализуется часто вскользь, в форме неразвернутых авторских описаний: «*Степь уходила далеко-далеко, переливалась разноцветьем*» («Крылатая невеста Махди»); «*Степь, плоская, ровная, то зеленая от свежей травы, то красная от тюльпанов и маков, а то сияющая и белоснежная, аж до рези в глазах*» («Овца») [23].

Горы как будто более близки автору и его героям, рожденным в этих местах: они наслаждаются «*душистым ароматом горных трав*», «*горный воздух и речная вода*» придают им силы, они хорошо знают «*горные тропы*», «*ущелье, известное своим сложным склоном*». Лишь для приезжих «*уж слишком массивными и тяжелыми были они. Горы окружали ... и будто сжимались, грозя раздавить бездумно, безжалостно*» [23].

Описание просторов Средней Азии, как правило, сопровождается характеристикой климата, который обуславливает определенный образ жизни людей, влияет на их физиологию, душевную организацию и, порой, определяет ход их мыслей. «*Весь этот край от Бухары до Алма-Аты, от Туркестана до Душанбе был привычен к летнему жгучему солнцу*», — пишет автор в цикле «Побеги» [23].

Характеризуя ритм жизни старинного городка, Одегов отмечает, что люди из-за знойной жары «*прятались в домах, и лишь некоторые продолжали торговать на улицах, обливаясь потом*» [23]. Рафиза, героиня рассказа «Овца», обеспокоенная пропажей мужа, только в лучах солнца находит душевное успокоение: «*Солнечный жар проник глубоко под кожу, и теплые ручейки побежали внутри головы, словно начал таять лед, и от этого таяния Рафиза задыхалась спокойнее и вся словно обмякла, расслабилась*» [23].

Одним из ключевых современных образов казахской лингвокультуры, объективированных в творчестве Одегова многопланово, стал образ родного для писателя города — Алма-Аты (в произведениях И. Одегова используется прежнее название города).

Герои Одегова гуляют по знакомым улицам и потому, как будто живут среди нас. Степаныч («Снег в Паутине»), проработав почти сорок лет врачом, после увольнения в редкую для Алма-Аты снежную зиму начал гулять. Свой маршрут он прокладывал «*по старому алма-атинскому центру*», упоминая широко известные местным жителям городские топонимы иногда в просторечной версии их бытования («*по Байсеитовой от Новой площади до Шевченко, по Панфилова, по Тулебайке*»).

Но Алма-Ата не только место действия произведений, но и самостоятельный образ, с которым автор и его персонажи связывают воспоминания о прошлом, переживания о настоящем и тревогу за будущее. Его герои любят свой город, с грустью вспоминают былое величие его яблоневых садов. Так, Степаныч в беседе с соседом говорит: «*И город наш в этом саду вырос, как яблоко, — чистый, солнечный, румяный. Весь город в ручьях, в арыках. <...> Выходишь на улицу, яблоко с дерева сорвешь, воды из арыка зачерпнешь, и не надо больше тебе ничего. И самое главное, что люди это все чувствовали, понимаешь? Чувствовали этот свет города, его сияние. Не мог человек выйти на улицу и не улыбнуться. <...> А когда человек улыбается, ему хочется сделать что-то хорошее*» [23].

Настоящее для многих персонажей И. Одегова оказывается безрадостным. Добровольный городской изгнанник Абай («Снег в Паутине»), разочаровавшийся в реальной действительности, делится с братом печальными мыслями о стране, вообще, и о родном городе, в частности: «*Землю нашу, степь плодородную, зеленую убили. <...> Арал высох, нефть всю из-под земли высосали, реки загадили. На Байконуре гептиловые ракеты взрываются. В одних городах радиация, в других — ядовитый воздух. Да и у нас в Алма-Ате не воздух, а свинцовый вечный туман. Рубят деревья прямо посреди города. <...> Горы наши бульдозерами сравнивают...*» [23]. Другой из героев повести, Баха, в разговоре со случайным знакомым делится наболевшим об утраченных национальных ценностях: яблоках апорт,

теперь растущих в Нью-Йорке, тюльпанах, культивированных и ставших символом Голландии, снежных барсах, которые теперь размножаются в европейских зоопарках, о сокращающейся численности сайгаков и архаров и вырождающихся породах лошадей. *«Это ж надо так умудриться! — говорит он. — Столько всего иметь и все потерять»* [23].

Особая атмосфера свойственна старинным городам. В прозе Одегова они воплощаются в колоритные образы восточной культуры: *«Многовековые мечети и дворцы, вопящие торговцы в тубетейках, пирамиды арбузов и дынь — казалось, что все здесь сохранялось неизменным в течение нескольких столетий»* («Побеги») [23]. Люди здесь занимаются торговлей и старинными национальными промыслами: *«Ибрагим продавал сувениры, которые делал вместе с братом — одноногим Саидом. Тут были рога архаров в серебряной оправе, искусственно состаренные каменные статуэтки, лакированные черепа разных животных, узорные пояса и ножны, бронзовые чаши и грубые мужские кольца»*.

Аул как особый микромир казахов также объективируется в прозе Ильи Одегова. В изображении аула и его жителей сконцентрированы элементы казахской национальной картины мира понятной и близкой автору. Размеренный уклад жизни, заведенный порядок вещей представлены, например, в рассказе «Овца» так: *«В каждом доме сейчас трудились хозяйки: месили тесто, укачивали малышкой, набивали казы»* [23]. Даже после шумных праздников аульчане спешат вернуться к делам: *«женщины — забирать с пастбищ коров и вести их на вечернюю дойку или к себе во двор — ужин готовить, мужчины — бахчу удобрять, крышу латать, а кто-то спешил дарят сделать, да на аср успеть»* [23].

Одной из важных составляющих образа аула является гостеприимство его жителей и преподносимые блюда национальной кухни. К примеру, в повести «Крылатая невеста Махди» приезд журналиста Игоря в аул тут же сопровождается особыми приготовлениями: *«Алуа, кумыс гостям налей, а я пока мясо поставлю»* [23]. Следуя традициям гостеприимства, со словами *«Қонақ келсе, құт келер. Понял, Игорь? Гость приходит — счастье в дом с собой приводит. <...> Игорю со всех сторон что-то подкладывали, подливали <...> пытались посадить по правую руку от Дулата как почетного гостя...»* [23].

Застолье казахов традиционно предваряется и заканчивается молитвой, и этот ритуал также презентуется в прозе Одегова: *«Отец невесты Болатбек, сложив ладони лодочкой, прочел перед едой молитву, провел ладонями по лицу и все повторили вслед за ним»* («Овца») [23].

Главное блюдо казахской кухни — бешбармак неоднократно упоминается в прозе Одегова. Его встречают с особым почетом: *«Наконец к гостям вышла Роза с большим блюдом в руках.*

— О, беи! — закричал, оживляясь, Дулат» [23].

В рассказе «Овца» Марат, оказавшись в ловушке, придавленный деревом, мечтает и хочет *«хорошего свежего бешбармака — такого, чтобы тесто было тонким, но плотным, а картошка сочной и рассыпчатой, и главное, чтобы кругляшки казы лежали сверху, как монеты, приправленные мелко нарезанными помидорами и жирной наваристой сурпой»* [23].

Другое лакомство национальной кухни — баурсаки — для героя повести «Крылатая невеста Махди» *«оказались волшебными. Оторваться невозможно. Игорь ел и думал, что, наверное, все дело в воздухе. Баурсак ведь внутри пустой, наполненный воздухом. А местный воздух и сравнивать нельзя с копотью и дымом города»* [23].

Но не все безоблачно в жизни аула. Жители аула, следуя законам гостеприимства, не скупясь, с радостью отдают гостю все самое лучшее, хотя сами вынуждены обходиться самой простой и скромной пищей. Причина всех бед аулов, по мнению автора, в их отдаленности и заброшенности. Еркебулан объясняет приезжему гостю: *«Мы тут словно на краю земли. Водопровода нет. Газа нет. До ближайшей почты пятнадцать километров. До больницы еще дальше»* («Крылатая невеста Махди») [23].

Но, несмотря ни на что, именно в ауле люди не утрачивают связь с природой, хранят в памяти народные предания, им доступны знания, передаваемые духами предков. Персонажи повести «Крылатая невеста Махди» Утемис-ата, его сын Дулат, внук Махмуд обладают даром предвидения и могут исцелять людей. Махмудик унаследовал от деда священный кобыз, играл на нем, воздействуя на людей магической силой: *«В каждом звуке была своя история, а вместе они складывались в целый мир, как будто эта мелодия и была миром»* [23].

Силу духа жители казахского аула черпают в вере. В прозе Ильи Одегова объективация фрагментов национальной картины мира казахов идейно связана с мусульманской религией. Сам автор,

осознанно принявший ислам и постигающий смыслы священной книги Коран, старается, с одной стороны, показать взгляд на религию извне, с другой — передать мировоззренческие взгляды верующих людей изнутри. Т. Колмогорова, анализируя рассказ И. Одегова «Намаз» из цикла «Культа», верно отмечает, что «мусульманство как часть азиатской действительности и ментальности приходит к читателю в основном в обрядовых и ритуальных образах» [22]. В данном рассказе повествуется о детском впечатлении мальчика, впервые наблюдавшего за совершением намаза — канонической пятикратной молитвы в исламе. Незнакомый родственник, приехавший в гости, вызывает у мальчика недоверие, а порой и неприязнь. Все в нем кажется ему чужим и неродственным, но процесс совершения намаза невольно завораживает мальчика: *«Я не смею шевельнуться... <...> Бородач медленно поднимается на колени, снова падает, встает, склоняется и снова оседает. <...> Наконец, поднявшись в очередной раз, он замирает, слегка улыбается и кивает головой в обе стороны по очереди, словно здороваясь с кем-то мне невидимым. Я с удивлением обнаруживаю, что не дышу, по-видимому, уже давно, и делаю тихий, медленный, глубокий вдох»* [23]. Несмотря на открытый финал рассказа, можно прийти к выводу, что таинство молитвы хоть на короткое время приблизило чужающегося мальчика к незнакомому человеку.

Другим важным символом мусульманской культуры является мечеть. В прозе Одегова она служит ориентиром в пространстве. Герои, блуждая среди узких улочек старинных городов и шагая по пыльным улицам аулов, не упускают из внимания башни минаретов. Минарет, как путеводная звезда, всегда помогает персонажам найти правильный путь. Также мечеть — это еще и особое место, в котором можно обрести духовное равновесие: *«Солнце легко проникало в мечеть и делило зал на ровные секторы. Полоса света, полоса тени. Почему-то Игоря это успокаивало. Ему пришло в голову, что на чередовании вообще построена жизнь»* [23].

Время намаза священно для мусульман, поэтому верующие в повестях и рассказах Одегова в назначенный час спешат совершить омовение и быть готовым к молитве. Так, в повести «Побеги» читаем: *«Часы отбили полдень, и вместе с ними издали донеслась протяжная песня муэдзина, возвещающая время второго намаза»* [23].

Мудрый мулла Кудайберген, персонаж повести «Крылатая невеста Махди», сдержан и уравновешен, умеет читать тайные знаки, знает ответы на сложные жизненные вопросы. Он мыслит философски и проявляет терпимость к другим религиям: *«Один Бог триедин, а все равно народ молится, кому захочет»* [23].

Для мусульман самым авторитетным источником мудрости является священный Коран, поэтому персонажи Одегова руководствуются им в разных жизненных ситуациях. Так, например, о чудодейственном свойстве черного тмина лекарь Закир-ака, персонаж повести «Побеги», прочитал в Хадисах: *«Масло черного тмина — вот истинное лекарство от всех болезней, кроме смерти»* [23].

Эффект погружения в национальную среду в прозе Одегова усиливается благодаря вкраплению лексических единиц казахского языка в прямую речь персонажей. Формулы приветствия — *ассалам уалейкум, уалейкум ассалам, сәлем*; отдельные слова — *алға, оянышы, болды, қойшы, жарайды, алжасқан, білмеймін*; выражения — *қазақша сойледі ме? жақсы сойлемеймін, бірақ кішкене түсіндім, қатты сойлеші, барып тұрған ақымақ* и другие сопровождаются в текстах Одегова подстрочным переводом, но в общем потоке живой разговорной речи персонажей казахские слова перемежаются с русской речью, отображая естественный казахско-русский или русско-казахский билингвизм, характерный для многих регионов Казахстана.

Заключение

На данном начальном этапе исследования малой прозы современного казахстанского писателя Ильи Одегова с позиции теории транслингвизма выявлен ряд образов казахской лингвокультуры, которые обуславливают специфику индивидуально-авторской картины мира писателя-билингва русского по происхождению, но формировавшегося в условиях казахской действительности. Данные образы являются показателем транскультурности творческой личности писателя, создающего особый художественный мир «пограничья».

Исследование образов казахской лингвокультуры и их репрезентантов имеет широкие перспективы и будет продолжено нами в когнитивно-прагматическом аспекте.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках грантового финансирования научного проекта ИРН AP13268752 «Образы казахской лингвокультуры в транслингвальной русскоязычной литературе Казахстана» (2022–2024 гг.), реализуемого в Кокшетауском университете им. Ш.Ш. Уалиханова.

Список литературы

- 1 Kellman S.G. Switching Languages: Translingual Authors Reflect on their Craft / S. G. Kellman. – London: University of Nebraska Press, 2003. — 339 p.
- 2 Тлостанова М. В. Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации / М.В. Тлостанова. — М.: URSS, 2004. — 412 с.
- 3 Tannenbaum M. Journeys to a New Homeland / M. Tannenbaum, O. Haim // Journal of Modern Jewish Studies. — 2007. — Vol. 6. — No. 3. — P. 273-287. Retrieved from <http://www.doi.org/10.1080/14725880701655037>.
- 4 Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы / И.С. Хугаев. — Владикавказ: Ир, 2008. — 560 с.
- 5 Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения) / У.М. Бахтикиреева. — Астана: ЦБО и МИ, 2009. — 259 с.
- 6 Transcultural identities in Contemporary literature / I.G. Nordin, J. Hansen, C.Z. Llena (Eds).
- 7 Канагараджа С. Мультилингвальная педагогика неолиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед / С. Канагараджа // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2016. — Т. 50, № 2. — С. 10–21.
- 8 Garcia O. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education / O. Garcia, L. Wei – New York: Palgrave Macmillan, 2017. – 175 p.
- 9 Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение / З.Г. Прошина // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. — 2017. — Т. 14. № 2. — С. 155–170.
- 10 Бахтикиреева У.М. На «Ангоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы / У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, Н.А. Токарева // Филологические науки. Науч. докл. Высш. шк. — 2021. — Т. 2, № 6. — С. 263–273.
- 11 Новохатский Дм. Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни / Дм. Новохатский // Mundo Slavico. — 2019. — № 18. — С. 74–91.
- 12 Сайт журнала Полилингвальность и транскультурные практики: науч. журн. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/polylinguality/issue>
- 13 Бахтикиреева У.М. Русскоязычный текст: о нерусской языковой личности / У.М. Бахтикиреева // IV Новиковские чтения. Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Функциональная семантика и семиотика: материалы Междунар. науч. конф. — Ч. 1. — М.: РУДН, 2014. — С.10–22.
- 14 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
- 15 Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. — Волгоград: Перемена, 2001. — С. 3–16.
- 16 Савельева В. Рассказ как первожанр / В. Савельева // Простор. — 2011. — № 3. — С. 148-149.
- 17 Сайт «Литературный портал» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adebportal.kz/ru>.
- 18 Адигаева Ш.Т. Феномен маленького мира в повести «Любая любовь» / Ш.Т. Адигаева // Науч. форум: Филология, искусствоведение и культурология: материалы III Междунар. заоч.-практ. конф. — М.: Общество с ограниченной ответственностью «Международный центр науки и образования», 2017. — С. 71–79.
- 19 Казначеев С.М. Новый реализм: очередное возрождение метода / С. М. Казначеев // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. — 2011. — №4. — С. 91–95.
- 20 Изгаева Ж. Музыкальный нарратив концерта И. Одегова «Любая любовь» / Ж. Изгаева, А. А. Джундубаева // «Проблемы поэтики и стиховедения VIII»: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Казах. нац. пед. ун-та им. Абая (24–26 мая 2018 года). — Алматы, 2018. — С. 94–99.
- 21 Джундубаева А.А. Поэтика пространства в рассказе И. Одегова «Тимур и его лето» / А.А. Джундубаева, Ж.Б. Аскарбай // «Проблемы поэтики и стиховедения — VIII»: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Казах. нац. пед. ун-та им. Абая (24–26 мая 2018 года). — Алматы, 2018. — С. 77–80.
- 22 Колмогорова Т. Этнокультурное своеобразие картины мира / Т. Колмогорова // Вопросы литературы. — 2015. — №1. — С. 260–283.
- 23 Сайт портала «Журнальный зал». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba>.

Ж.Г. Темирова, А.Д. Жакупова

Илья Одеговтың трансмәдени мәнмәтіндегі шағын прозасы

Мақалада қазіргі қазақстандық жазушы Илья Одеговтың шағын прозасын транслингвизм теориясы тұрғысынан зерттеу ұсынылған. Мақаланың мақсаты — тегі жағынан орыс, бірақ қазақи болмыста қалыптасқан, қос тілді жазушының жеке-авторлық әлем бейнесінің ерекшелігін қарастыру, көркем трансмәдениеттің шығармашылық когнитивті әлем бейнесіне әсер ету сипатын анықтау. Зерттеуде Илья Одеговтың шағын прозасында көрініс тапқан қазақ лингвомәдениетінің бейнелерін анықтауға баса назар аударылған. Бұл бейнелер — жазушының трансмәдени шығармашылық тұлғасының этномәдени ерекшелігін және оның жеке авторлық әлем бейнесін көрсетеді. «Шекаралық әдебиет» өкілінің шығармашылығын транслингвизм тұрғысынан зерттеу оны трансмәдениетке бағытталған әлемдік әдебиеттің жалпы даму тенденциясы аясында қарастыруға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: транслингвизм, «шекаралық әдебиет», қазақ лингвомәдениетінің бейнелері, жеке-авторлық-әлем бейнесі, Илья Одегов.

Zh.G. Temirova, A.D. Zhakupova

Flash fiction by Ilya Odegov in the context of transculturality

The article presents a study of the flash fiction written by the contemporary Kazakhstani writer Ilya Odegov from the perspective of the theory of translanguaging. The aim of the article is to consider peculiar features of author's individual view of the world that was formed in the conditions of Kazakh reality by a bilingual writer of the Russian origin; to determine the nature of the influence of artistic transculturality on the cognitive view of the world of a creative person. The article focuses on identifying images of the Kazakh linguistic culture explicated in the flash fiction of Ilya Odegov. These images manifest ethno-cultural specificity of the writer's transcultural creative personality and his individual author's view of the world. The study of the fiction written by a representative of the "borderland literature" in the context of translanguaging will allow us to consider it in the light of the general trend in the development of world literature gravitating towards transculturality.

Key words: translanguaging, "borderland literature", images of the Kazakh linguistic culture, author's individual view of the world, Ilya Odegov.

References

- 1 Kellman, S.G. (2003). *Switching Languages: Translingual Authors Reflect on their Craft*. London: University of Nebraska Press.
- 2 Tlostanova, M.V. (2004). *Zhit nikogda, pisat niotkuda. Postsovetskaia literatura i estetika tranzkulturratsii* [To live never, to write from nowhere. Post-Soviet literature and aesthetics of transculturation]. Moscow: URSS [in Russian].
- 3 Tannenbaum, M., & Haim, O. (2007). *Journeys to a New Homeland. Journal of Modern Jewish Studies*, 6(3), 273-287. Retrieved from <http://www.doi.org/10.1080/14725880701655037>.
- 4 Khugayev, I.S. (2008). *Genezis i razvitie russkoiazychnoi osetinskoii literatury* [Genesis and development of Russian-language Ossetian literature]. Vladikavkaz: Ir [in Russian].
- 5 Bakhtikireyeva, U.M. (2009). *Tvorcheskaia bilingvalnaia lichnost (osobennosti russkogo teksta avtora tiurskogo proiskhozhdeniia)* [Creative bilingual personality (peculiar features of a Russian text written by an author of the Turkic origin)]. Astana [in Russian].
- 6 Nordin, I.G., Hansen, J., & Llana, C.Z. (Eds). (2013). *Transcultural identities in contemporary literature*. NewYork: Rodopi.
- 7 Canagarajah, S. (2016). *Multilingualnaia pedagogika neoliberalnogo vremeni: raschistka territorii i planirovanie dvizheniia vpered* [Multilingual pedagogy of the neoliberal time: clearing the territory and planning movements forward]. *Social and Humanities Sciences in the Far East*, 2 (50), 10–21 [in Russian].
- 8 Garcia, O., & Wei, L. (2017). *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. New-York: Palgrave Macmillan.
- 9 Proshina, Z.G. (2017). *Translingvizm i ego prikladnoe znachenie* [Translingualism and its applied value]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational issues: languages and specialty*, 14, 2, 155–170 [in Russian].
- 10 Bakhtikireyeva, U.M., Valikova, O.A., & Tokareva, N.A. (2021). *Na «Angore» segodnia: podkhody k izucheniiu translivalnoi literatury* [Today in Angora: Approaches to the study of translanguaging literature]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady Vysshei shkoly — Philological Sciences. Scientific reports*, 6 (2), 263–273 [in Russian].

- 11 Novokhatskiy, Dm. (2019). Transkulturnyi tekst i tendenzii russkogo literaturnogo meinstrima: «Tashkentskii roman» Suhbata Aflatuni [Transcultural text and trends of the Russian literary mainstream: “Tashkent novel” of Sukhbata Aflatun]. *Mundo Eslavo*, 18, 74–91 [in Russian].
- 12 Sait zhurnala «Polilingvalnost i transkulturnye praktiki. Nauchnyi zhurnal» [Website of the journal “Multilinguality and transcultural practices. Science Magazine”]. (n.d.) <http://journals.rudn.ru>. Retrieved from <http://journals.rudn.ru/polylinguality/issue> [in Russian].
- 13 Bakhtikireyeva, U.M. (2014). Russkoiazychnyi tekst: o nerusskoi yazykovoi lichnosti [A text in the Russian language: on a non-Russian language personality]. *IV Novikovskie chteniia. Funktsionalnaia semantika i semiotika znakovykh sistem. Funktsionalnaia semantika i semiotika: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii — “IV Novikov Readings. Functional semantics and semiotics of sign systems”. Functional semantics and semiotics: materials of the International scientific conference*. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 10–22 [in Russian].
- 14 Stepanov, Yu.S. (1997). Konstanty. Slovar russkoi kultury. Opyt issledovaniia [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kultury» [in Russian].
- 15 Karasik, V.I. (2001). O kategoriiakh lingvokulturologii [On the categories of cultural linguistics]. *Yazykovaia lichnost: problemy kommunikativnoi deiatelnosti* [Language personality: problems of communicative activity]. Volgograd: Peremena, 3–16 [in Russian].
- 16 Savelyeva, V. (2011). Rasskaz kak pervozhanr [The short story as one of the first genres]. *Prostor — Space*, 3, 148, 149 [in Russian].
- 17 Sait «Literaturnyi portal» [Site “Literary portal”]. (n.d.). <https://adebiportal.kz/ru>. Retrieved from <https://adebiportal.kz/ru> [in Russian].
- 18 Adibayeva, Sh.T. (2017). Fenomen malenкого mira v povesi «Liubaia liubov» [The phenomenon of a small world in the story “Any Love”]. *Nauchnyi forum: Filologiya, iskusstvovedenie i kulturologiya: materialy III Mezhdunarodnoi zaochno-prakticheskoi konferentsii — Scientific Forum: Philology, Art History and Cultural Studies: Proceedings of the III International Correspondence-Practical Conference*. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennostiu «Mezhdunarodnyi tsentr nauki i obrazovaniia» — Limited Liability Company “International Center for Science and Education, 71–79 [in Russian].
- 19 Kaznacheyev, S. M. (2011). Novyi realizm: ocherednoe vozrozhdenie metoda [New realism: another revival of the method]. *Gumanitarnyi vektor. Seriya Pedagogika, psikhologiya — Humanitarian vector. Series: Pedagogy, psychology*, 4, 91–95 [in Russian].
- 20 Iztayeva, Zh., & Dzhundubayeva, A. A. (2018). Muzykalnyi narrativ konzerta I. Odegova «Liubaia liubov» [Musical narrative of I. Odegov's concert “Any love”]. *“Problemy poetiki i stikhovedeniia–VIII”: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu Kazakhskogo natsionalnogo pedagogicheskogo universiteta imeni Abaia (24–26 maia 2018 goda) — “VIII Issues of Poetics and poetry”: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the Kazakh National Pedagogical University named after Abay (May 24–26, 2018)*. Almaty, 94–99 [in Russian].
- 21 Dzhundubayeva, A.A., & Askarbai, Zh.B. (2018). Poetika prostranstva v rasskaze I. Odegova «Timur i ego leto» [Poetics of space in I. Odegov's story “Timur and his summer”]. *Problemy poetiki i stikhovedeniia–VIII: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu Kazakhskogo natsionalnogo pedagogicheskogo universiteta imeni Abaia (24–26 maia 2018 goda) — “VIII Issues of Poetics and poetry”: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the Kazakh National Pedagogical University named after Abay (May 24–26, 2018)*. Almaty, 77–80 [in Russian].
- 22 Kolmogorova, T. (2015). Etnokulturnoe svoeobrazie kartiny mira [Ethnocultural singularity of the world view]. *Voprosy literatury — Issues of Literature*, 1, 260–283 [in Russian].
- 23 Sait portala «Zhurnalnyi zal» [Site portal «Journal Hall»]. (n.d.). <https://magazines.gorky>. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2011/7> [in Russian].